

В мае начались занятия, в июле у начальной школы и детского сада одновременно начались каникулы, а в сентябре — снова в школу.

Очередной набор. Восьмого мая в начальную школу «Цысин» пришёл Фэйфэй, наконец-то достигший нужного возраста.

Вместе с ним приехали Линь Сынянь и Линь Цзинли. То, что у Линь Сыняня есть ребёнок, в высшем обществе города С было уже секретом Полишинеля. К тому же, «Цысин» — элитная частная школа с превосходной системой безопасности, поэтому Линь Сынянь лишь слегка замаскировался.

По дороге Линь Сынянь поправил малышу растрепавшуюся чёлку и ласково сказал:

— Фэйфэй, сегодня мы просто посмотрим, понравится ли тебе школа. Если нет, у нас ещё есть время найти другую.

Фэйфэй кивнул, но ответил:

— Папа, я обещал Дундуну и остальным, что пойду в «Цысин», мы будем учиться в одной школе.

— Значит, наш Фэйфэй — честный малыш, который держит своё слово, да? — улыбнулся Линь Сынянь.

— Да, папа, — серьёзно кивнул малыш. — Обещания нужно выполнять.

— Какой же ты у меня молодец, — похвалил его Линь Сынянь.

Разговаривая с Фэйфэем, он невольно задумался. Маленький комочек, который когда-то неуверенно ходил и плакал, прячась за плюшевым мишкой, когда не мог найти папу, уже вырос и собирается в школу.

А ведь впереди ещё средняя школа, старшая, университет, взрослая жизнь... В этом мире столько странного, столько трудностей и невзгод, которые, словно тигры-людоеды, поджидают на пути, и каждому предстоит справляться с ними в одиночку.

Как же ему, Линь Сыняню, отпустить его?

Растрогавшись от этих мыслей, он вдруг обнял Фэйфэя и чмокнул его в мягкую щёчку.

— Фэйфэй, сколько бы лет тебе ни было, ты всегда будешь моим маленьким сокровищем. Папа всегда будет твоей опорой, папа всегда будет тебя защищать!

Малыш удивлённо захлопал ресницами. Он понимал, что держать слово — это хорошо, но неужели папа так обрадовался, что он держит слово? Он уже несколько раз его поцеловал.

Линь Цзинли, сидевший впереди, отвёл глаза. В его личном деле на Линь Сыняня уже стоял диагноз: «сынофилия в терминальной стадии, неизлечимо». Даже в психиатрической клинике ему уже не помогут.

Под аккомпанемент нежностей отца и сына — вернее, односторонних нежностей Линь Сыняня, у которого, видимо, что-то переклинило, — машина наконец въехала на подземную парковку школы «Цысин».

На парковке их уже ждал представитель школы. Увидев Фэйфэя, он просиял и, обращаясь к Линь Цзинли, который вынес малыша из машины, искренне похвалил:

— Сэр, какой у вас прекрасный ребёнок. За все годы работы в школе я не видел никого красивее.

Линь Цзинли дружелюбно улыбнулся и, опустив Фэйфэя на землю, позволил ему идти самому.

Ребёнок уже подросток. Хотя в глазах Линь Цзинли он всё ещё был крошечным комочком, в школе, если его будут постоянно носить на руках, он будет выделяться.

Фэйфэй понял, что этот дядя его хвалит. За последнее время его хвалили так часто, что у него выработался некоторый иммунитет, и он не слишком смутился.

Сопровождающий, сказав ещё пару комплиментов, тактично умолк и, сделав приглашающий жест, пошёл вперёд, показывая дорогу.

Фэйфэй, как и прежде, шёл, держась одной рукой за дядю, а другой — за папу. Выйдя из парковки, они оказались в весеннем раю. В школьном саду на ветвях деревьев распустились нежно-розовые цветы, и даже трава была сочной и зелёной, полной жизненной силы.

Фэйфэй, чья душа была душой маленького мифического зверя из мира гор и морей, конечно же, полюбил этот пейзаж.

Пока сопровождающий рассказывал о школе, Фэйфэй, держась за руки отца и дяди, почувствовал себя как на весенней прогулке. Его шаги стали лёгкими и прыгучими, словно у маленького кролика.

Линь Цзинли и Линь Сынянь, видя это, поняли, что Фэйфэйю здесь нравится.

— Фэйфэй, тебе нравится эта школа? — спросил Линь Цзинли, подхватив малыша во время очередного прыжка. Фэйфэй взлетел ещё выше, и его глаза засияли.

— Нравится, здесь очень красиво, — без колебаний кивнул он.

Линь Цзинли огляделся. Раньше он не находил в школьном саду ничего особенного: деревья, цветы, ручейки. Но сейчас, много лет спустя, вернувшись в свою альма-матер вместе с племянником, он смотрел на всё другими глазами. Прежде блёклый пейзаж из его воспоминаний вдруг обрёл яркие краски. Да, действительно красиво.

— Дяде тоже нравится, — Линь Цзинли легонько сжал маленькую ручку Фэйфэя.

Фэйфэй, словно что-то вспомнив, поднял голову и посмотрел на Линь Цзинли и Линь Сыняня.

— Дядя, вчера папа сказал мне, что вы с ним тоже здесь учились. Это правда?

— Правда, — неспешно ответил Линь Цзинли. — Только когда я уже заканчивал, твой папа только пошёл в первый класс. Был таким же крохой, как ты сейчас.

Малышу стало любопытно.

— А каким ты был, дядя, когда учился в школе? — тихо спросил он.

Линь Цзинли, погружившись в воспоминания, улыбнулся и покачал головой.

— Уже и не помню. Помню только, что были уроки, перемены, дорога домой... дни летели один за другим.

— Твой дядя в то время был занят тем, что учился у дедушки играть на бирже, — неожиданно вставил Линь Сынянь. — А на заработанные деньги в мой первый школьный день купил мне лимитированный пенал.

— Фэйфэй тоже купил папе одежду, — сначала сказал малыш, а потом спросил: — А где тот пенал, папа? Почему я его дома не видел?

Фэйфэй привык, что подарки, которые он дарил, бережно хранили. И сам он тоже очень ценил подарки, складывая их в специальную коробочку, которую ему выделил папа. Поэтому он и представить не мог, что подарок может быть испорчен.

Столкнувшись с этим вопросом, Линь Сынянь виновато отвёл взгляд и, сделав вид, что увидел что-то интересное, указал Фэйфэю на два сросшихся бутона на цветочном дереве.

Шедший впереди сопровождающий, услышав упоминание о пенале, невольно вспомнил трагическую историю, произошедшую в школе «Цысин» много лет назад. Он тогда ещё здесь не работал, но слышал о ней от старших коллег.

И эта история, по странному совпадению, тоже была связана с пеналом.

Один ученик, незадолго до выпуска, вдруг взял долгий отпуск. Никого это не удивило: причиной был назван переходный период.

Переходный период наступал в возрасте от десяти до пятнадцати лет, хотя бывали и исключения.

Поэтому пятый и шестой классы начальной школы, как и средняя школа, становились настоящей зоной бедствия. В старших классах, где нагрузка была выше, таких случаев, как ни странно, было меньше.

Тот ученик отсутствовал полгода. Когда он вернулся, из жизнерадостного и общительного мальчика он превратился в замкнутого и угрюмого. Классный руководитель, конечно, сочувствовал и жалел его, но ничем не мог помочь.

Как и думал Линь Сынянь, в жизни бывают моменты, когда никто не может тебе помочь или спасти. Ты должен помочь себе сам. Пережив это, ты по-настоящему становишься взрослым, проходишь через свой личный ад.

Да, если бы нужно было описать переходный период одним словом, то каждый в этом мире с отвращением сказал бы: «Это грёбанный ад!»

Нет, даже в аду не так страшно. В аду мучают только тело, а переходный период день за днём терзает душу, пока ты не очерстеешь.

У того мальчика был очень хороший друг, его сосед по парте. На его столе всегда лежал немного потрёпанный, но, видимо, очень дорогой сердцу пенал.

Судя по кнопкам, которые выдвигали зеркальце и ластик, в своё время этот пенал был очень модным.

Однажды на перемене сосед по парте заметил на щеке мальчика что-то похожее на чернильное пятно. Он выдвинул зеркальце из пенала, чтобы тот мог посмотреть.

Мальчик, увидев своё отражение, сначала замер. Он смотрел на себя — угрюмого, бледного, как будто после тяжёлой болезни. Ничего общего с тем улыбчивым, солнечным мальчиком, которым он был раньше.

Заметив, что с ним что-то не так, друг хотел убрать зеркало и предложить ему отдохнуть.

Но в следующую секунду мальчик, словно обезумев, разбил зеркало, крича: «Это не я! Это не я...»

А потом схватил острый осколок.

Когда приехали родители, они увидели только сломанный пенал и страшную рану на лице сына.

Его друг тоже пострадал: пытаясь отобрать осколок, он сильно порезал руку, рана была глубокой, до кости.

Позже того мальчика отчислили по состоянию здоровья. О нём больше ничего не было слышно. Говорили, что родители увезли его лечиться за границу.

А ещё говорили, что, повзрослев, он стал исследователем и посвятил всю свою жизнь изучению переходного периода.

Если посчитать, то сейчас ему должно быть уже за тридцать.

Фэйфэй, проследив за взглядом Линь Сыняня, вместо сросшихся цветов увидел машущего ему рукой Цуй Юаня и идущего к нему Чу Сяоханя.

Малыш радостно замахал в ответ.

— Братик Сяохань! Юаньюань! Я здесь!

Он подбежал к Чу Сяоханю и, подняв голову, с сияющими глазами сказал:

— Братик Сяохань, здесь так красиво! Давай мы и дальше будем учиться здесь вместе? И сидеть за одной партой.

Стоявший неподалёку Цуй Юань был потрясён до глубины души: «Я... я снова всё упустил!»

Линь Сынянь вдруг повернулся к Линь Цзинли и сказал:

— Когда Фэйфэй пойдёт в школу, не смей дарить ему пенал.

Линь Цзинли: «Ладно, не буду».

<http://bllate.org/book/13654/1602027>